

[Колонка редактора](#) [Политический процесс](#) [Глас народа](#) [По слухам, но авторитетно](#) [Правительство](#)  
[Открытая трибуна](#) [Мировая практика](#) [Банки и финансы](#) [Рынки и компании](#) [Моя республика](#)

## Владимир КОЗЛОВ: «Я не перечеркну свою жизнь даже ради свободы»

Лидер партии «Алга» понимает, что его сделали заложником в борьбе элит

Владимир КОЗЛОВ / 3 августа 2012 года, № 28 (304)

В конце июня мы давали первую часть дневника уже полгода находящегося за решеткой лидера партии «Алга» Владимира Козлова. Те записи охватывали временной период – с момента ареста политика в Алматы и до доставки его по этапу в СИЗО Актау. Эти выдержки уже так называемого актаусского периода. Владимир Иванович рассказал, каково приходилось в тюрьме нефтяникам и как шли переговоры с режиссером Болатом Атабаевым. Впрочем, не только об этом – читайте ниже.

\*\*\*

**24.05.2012** Пришли на родину мою, Актау. Хорошо, что успел раскидать первую часть дневника:

есть надежда, что дойдет до назначения. Потому как на входе в Актауский централ последовал «прием». В СИ – песня, классика жанра. Спрыгнули с «кешарами» (сумки) из автозака – сразу команда: «Все на корты, лицом к воротам!» Это определение места в стойле. Взбесило. Чего вдруг на кортах и мордой в закрытые ворота? Не бараны ведь, и повода не давали для такого «приема».

Тут же в «шлюзе» (сквозное помещение с воротами с двух сторон «въезд-выезд»: тут досматривают машины, въезжающие и выезжающие на территорию тюрьмы) забузил. Потребовал ознакомить меня с законными основаниями тому, как нас встретили. Явное, искреннее недоумение сержантского и офицерского состава – все на лицах: «Ни х... себе заявки!» Тут же привычно, видимо, прямо с языка: «Рот закрой! Молчать! Исполнять!»

Исполнять отказываюсь, требую ознакомить с наличием законных оснований. «Потомознакомишься!!! (грубое «ты» и со зверством на лице) – «Потом и выполню, как ознакомлюсь!» – «Ты обязан выполнять требования полиции!» – «Только если эти требования законные, а значит, основаны на нормах закона. Покажите норму закона – выполню».

Обстановка накаляется, «на месте событий» появляется человек в штатском, которого тут все знают и, судя по отношению к нему, не «комитетский», а «хозяин» – начальник тюрьмы. Он почти и не встречается, наблюдает со стороны, но в его присутствии персонал уже не так «растопыривается», хотя «ты» тут обычный «положняк», как «здрасьте» (а вот это – не «положняк»).

Так пикируемся, я против тюрьмы – минут 10 уже, остальные, кто со мной из автозака сошел, наблюдают, сидя на кортах, лицом к воротам. В конце концов я сажусь на «кешар» свой, не на корты, и лицом не к воротам. Вроде как компромисс, никто больше не возражает. По одному ведут в комнату, где проводят шмон. Опять все из сумок на стол, с себя тоже, присядки голышом – обыск. Разрешено с собой в камеру только немного предметов в пакетах, сумки – в «коптерку» (вещевой склад).

Моя камера 117, Сапаргали – 118 – напротив, через «продол». Камера примерно 3x4 после ремонта, выгорошек «север» (санузел) отдельно. Двухъярусная шконка. В камере – Саня 46-ти лет, за плечами чуть не двадцать лет «ходок». Настороженно смотрит на меня. Он «в непонятках», потому как в этой тюрьме уже почти 7 месяцев, сидел уже в «режимке» (корпус, куда переводят после обязательного карантина), и вдруг его сегодня с утра – снова в карантин, в эту камеру.

В «режимке» лучше. Там «общение», там другая жизнь... Ну, об этом лучше не говорить, так как можно навредить тем, кто этой жизнью живет. Эта система взаимоотношений, сложившаяся, устоявшаяся, любое потрясение – во вред «обитателям», здешнему обществу. Это полезно знать изнутри, в деталях, чтобы менять в сторону реального «очеловечивания» самой системы, приближение ее к уважению достоинства человека, к тому, что все здесь – люди, даже после приговора, не говоря уж о «следственных». Разные – но люди.

Знакомимся с Саней, разговариваем. Он спокойный, как удав. Про ЖО знает больше, чем я, сам до ареста жил там. Автомастер с большим опытом. «Заехал» сюда (я смотрел документы) – глупо, неожиданно. В деле куча несуразностей, но есть то, что все объясняет: у Сани был конфликт с одним полицейским бастыком, который обещал его посадить.

Разговариваем, обустроиваюсь. Саня уже до меня постелил себе внизу, а когда я зашел с матрасом и пр., спросил, какого я года рождения. Услышав, что 60-го, без разговоров переложил свою постель наверх. Я возражал, но он сказал: «Ты – старше» – и все. Выдали матрац, одеяло, постельное, две металлические чашки, вафельные полотенца – все новое. В этой части лучше, чем в остальных трех, где довелось побывать.

Общаемся, общаемся. Он много знает людей, кого привлекли по беспорядкам в ЖО. И там встречался, в ЖО, и тут, в тюрьме уже. Сам отношения к событиям этим не имеет никакого, да и арестовали его 14 декабря, чему он даже рад; говорит – не хотел бы под тот замес попасть, который был начиная с 16-го, когда «гребли» всех, кто встречался на улице.

Вечерняя проверка – Саня в ауте. Говорит, что обычно всех из камеры выводят «в продол», там осмотр, вопрос «Жалоб нет?», проверка камеры. У нас (и в 118) – только заглянули в глазок. Ключи от камер наших не у постового, как обычно, а у опера, который при нас персонально. Такой вот первый день в Актау. Весело, но не до смеха. Привет тебе. Буду ложиться. Жарко. Но хотя бы вода есть. Выживем. Пока.

\*\*\*

**27.05 2012** Каждый день писать не получается. Очень много общения и впечатлений – и от общения, и от «жили-были» местного. «Хозяина» зовут Камиль, фамилию не запомнил точно. Помладше меня, полковник, бывший опер. Договорились, что друг друга специально «доставать» не будем. Любому хозяину главное – сохранить статус-кво отношений между криминалом и персоналом, чтобы было тихо, чтобы не вскрывались, чтобы без ЧП.

Мы – отдельно, в изоляции, потому как требование следствия КНБ есть специальное по нам

и потому как мы политики, непонятные, неизвестные. Да и карантин 15 дней. Передачи – без проблем, с газетами – проблема. Оппозиционные опять запрещены. Придется воевать. Удалось «перекрикнуться» с Сапаргали – он тоже вдвоем с парнем. Секе в порядке, молодец. Не устаю восхищаться: 60 лет человеку, и он в таких условиях все еще держится, будучи таким же невиновным, как все мы. Психологически невиновному в тюрьме тяжелее находится, нежели виновному. Кроме вопроса «Что будет и сколько дадут?» много риторических вопросов: «За что я здесь? Почему? Это-де неправильно». Тяжело от этого. День на исходе – целую, пока.

**31.05.2012** Сегодня – День памяти жертв политических репрессий. Почти наш день. Почти – потому как хотя мы уже и жертвы, но живые; и нас не забывают в этом статусе. Когда вернусь домой, поснимаю с окон все решетки, которые выполнены в «клеточку».

Если забраться на верхнюю шконку, можно увидеть корпус напротив. Там содержатся женщины; люди с заболеваниями, еще кто-то, кого нужно изолировать от режимного корпуса. Там большие окна, есть душ в некоторых камерах, сами камеры больше. Это меня Саня просвещает, он в курсе всего.

Из того, что он рассказал по своему делу, я понял, что его еще можно попытаться вытащить, хотя он уже и апелляцию прошел – без изменений. Он сам фатально спокоен, принимает все, как неизбежность. Но появится мой адвокат, попытаюсь Сане помочь, хотя бы в Генеральную прокуратуру написать или в Верховный суд – ведь откровенный произвол!!! Саня снисходительно улыбается: «Да что толку?! Ты вон вообще ничего, кроме добра, не делал, людям помогал, а рядом со мной на шконке паришься».

Поясняю, чтобы убедить: я – политический, по мне установка на всех уровнях и этапах, а ты – просто жертва. Тем более выясняется, что мент, который его «заказал», вместе со следователем, который ему дело «пришил», сами сейчас сидят. Один за взятку, другой еще за что-то. Можно его вытащить, Саню, можно. А значит, нужно попробовать обязательно. Вроде бы убедил. На этом и день кончился. Как ты там? Пока. Жду тебя здесь.

\*\*\*

**03.06.2012.** Вот и лето, черт бы его побрал в таких условиях. Лето на Мангышлаке – это уже наказание, а лето в мангышлакской тюрьме – почти расстрел. Общался с опером, он за нашу изоляцию несет персональную ответственность. У тюрьмы есть свои варианты общения, но нас они не касаются, мы опять и снова «заморожены», наши камеры – полный вакуум. Играем с Саней в нарды, читаем. Спросил: «Библиотека есть в тюрьме?» Думали-думали, потом

вспомнили: «Есть!» – «А можно...?» – «Ключи ищем от библиотеки». Понятно. Потом еще месяц саму библиотеку искать будут и еще два месяца – библиотекаря.

Саня приспособился, спит после обеда. Я не могу, не получается. Он спит – я пишу: или дневник, или по предстоящему суду, или что-то отдельное. Уже довольно много написал. Никаких следственных действий нет, ни разу еще не было, как мы здесь. Время стоит, как воздух – тяжело, парко. День прошел. Пока. До встречи.

**10.06.2012** Что-то резко «засобирали» Саню на этап. У него приговор вступил в силу. Теперь ему ехать на 66-ю, в Атырау. Вроде бы удастся найти ему адвоката, чтобы составил документ, надзорку в ВС, но нужны данные, которые в ЖО, а со связью тут никак. Крутимся. Нужно успеть, будет надежда хотя бы, что выпустят его. Ожидаем и Жанболата с Атабаевым, уже знаем, что они, скорее всего, будут арестованы и этапом пойдут в Актау.

**14.06.2012** С утра объявили – Сане на этап. Мы не успели сделать ему заявление. Жалко очень. И адвокат уже есть (огромное тебе спасибо, моя хорошая, что нашла ему адвоката), и тут на тебе... Настроение ниже плинтуса – хотелось очень помочь.

Тут еще в голове думка: Максим уехал к моим родителям, теперь они узнают, что их сын не в заграничной командировке, как объясняли до этого мое молчание, а в тюрьме. Им под 80... Страшно, а больше мерзко от того, что все это – жуткая, необъяснимая и несправедливая гадость. Все, что с нами делают... Под вечер – приятное «несобытие». Саня не ушел на этап. Чудны дела твои, тюрьма.

\*\*\*

**20.06.2012** Ждем Атабаева и Мамаю; уже знаем, что едут этапом. Несладко это – «столыпин», в июне особенно. Жалко ребят. Что творят эти...! Они такие же невинные, как и мы, и я точно знаю, что они сейчас чувствуют. Говорить о тюрьме и находиться в ней – разные совсем ощущения. Уверен – выдержат, не согнутся. Постараемся здесь как-то поддержать.

Саня рассказал много интересного о тюрьме. «Прогоня, ходы, кони, парашюты, дороги, курки, кобура» – оказывается, у этих привычных слов есть второе значение и смысл. Начал для себя составлять словарь – три листа уже написал. Вообще тюрьма, зона – это ведь зазеркалье, в котором живет своей жизнью, по своим законам и понятиям огромное количество людей. Общество о них почти не помнит и вспоминать не любит. Отдали ментам на «перевоспитание», и все – с глаз долой, из сердца вон. А какие из наших ментов «воспитатели»?! Ломать, давить, крушить – весь набор.

Да, есть правозащитники, которые мониторят, но они тоже разные, да и возможности у них в основном на бумаге, не в реале. В большинстве случаев тюремное начальство само «правит бал», никого не допускает. А общество молчит, содействуя многим мерзостям, а потом ужасается росту преступности. Что посеешь, то пожнешь. Раньше в каждой зоне было производство, работа. Мужики работали, зарабатывали, зону кормили – от хозяина до блатных. Поэтому мужики были уважаемы, зона о них тоже заботилась, их нужды решала. Сейчас таких зон с реальной работой мало. Мужикам работы нет, зонам дохода нет, всем плохо. Это меня Саня просвещает, кладезь зазеркальной мудрости. Пока.

**23.06.2012** Особых событий нет, следственных действий – тоже. Особенности тюрьмы: что бы ты ни делал, в каком бы положении ни находился, ты все равно сидишь.

Кстати, отношения с офицерами, с которыми я сцепился в первый день в «шлюзе», выправились сами собой. Я теперь «Иваныч». Кто на «вы», кто на «ты», но – доброжелательно, без надрыва.

Я очень многие подробности тюрьмы здесь не упоминаю, потому как это может оказаться вредным для обитателей, а здесь основное правило звучит так: ты должен выбрать свою линию поведения так, чтобы она не вредила. Если кто-то поднимает кипеж, в результате которого персонал получает повод ужесточить условия содержания для всех остальных, – это плохо, неправильно; такое не приветствуется. А вот делать что-то на общее благо – всегда. Такие вот дела. Вечер – пока.

\*\*\*

**25.06.2012** Вчера было столько событий, что и записать некогда было. Пришли этапом Мамай и Атабаев. Сане – на этап. Перемещение из одной камеры в другую. Сапаргали – тоже. Он выехал первым, и на его место, в 118-ю, сразу завели Жанболата. Успел только увидеть его в глазок своей камеры и поздороваться. Оказывается, в камере рядом Сапаргали и Атабаев вместе. Уже хорошо. Боке будет чуть легче: все же первый месяц в тюрьме самый тяжелый. Хотя и остальные тоже – дрянь.

Камера новая, намного больше, большие окна, есть свет дневной, бывает солнце и воздух, есть душ (!). Саню увели. Хорошо, хотя бы успели поработать с адвокатом и его заявление в ВС уже ушло. Будем надеяться, что будет положительный результат. Опять же – тебе огромное спасибо, моя хорошая, за деятельное участие. Весь день приводили камеру в порядок, мыли. Ложусь спать. И тебе всего самого, пока.

**28.06.2012** Прошла информация, что многие по нашему делу ушли по 65-й, переведены в свидетели. Это очень хорошо, что люди получили свободу. Конечно, есть вопрос – какой ценой? Я спрашивал у следователей: дал ли хотя бы один показания о том, что я что-то незаконное совершил? Отвечали – нет.

Их не могло быть, потому как событий за мной таких нет, и я как-то был спокоен. Но теперь, когда я знаю, что чувствуют люди в тюрьмах, как им хочется домой, как их могут жестко прессовать (как 37 нефтяников), думаю, что многие могут сломаться и оговорить, кого скажут: и себя, если за это будет обещание свободы или сильное послабление.

Я их понимаю, честно. Только вот потом как на свободе с тем, что сделано, жить? Не знаю, кто, что и как: будет ознакомление – будет ясно. Я еще в феврале на встрече с представителями Европы, в госпитале КНБ, говорил, что меня, скорее всего, будут обвинять на основании пресловутых «экспертиз» и оговоров, потому как реальных событий, подпадающих под обвинение, с моей стороны не было. Так вроде бы и вырастает.

**03.07.2012** Вспомнил, Саня рассказал перед отъездом, как его приняли, когда он этапом из ЖО пришел в Актау, но не сюда, а в ИВС. Только прыгнул с автозака с пакетом в руках – «прилетела» дубинка, в ухо, в плечо, по рукам. Пакет разлетелся, в руках одни ручки остались. Били двое в масках. Били, пока вещи собирал по полу, без объяснений и разговоров. Потом в камере ИВС сказали просто, что ошибка вышла: думали, что он нефтяник, ведь этап был с ЖО.

Так здесь, видимо, по умолчанию встречали нефтяников. Можно представить, что им пришлось пережить за все это время. Суд над ними – мрак средневековья, инквизиторство. Есть непонятные моменты: как получилось, например, что «паровозом» вдруг пошла Роза Тулетаева, если все это время «паровозом» был Талгат Сактаганов? Учитывая вообще-то, какие показания он дал по мне – явно под диктовку, ложь на лжи, закрадываются мысли нехорошие. Факт: Роза поймала 7 лет, Талгат – 4 года. Пока.

**06.07.2012** Насколько я понимаю, Болата Атабаева и Жанболата Мамаева хотят отпустить по 65-й. Атабаев спрашивает моего мнения – что делать. Я вижу, что он крепится, но тюрьма его сильно подавляет. Это как раз тот момент: говорить «халва» и кушать халву – ощущения разные. Очень ему сочувствую. Сказал – выходить надо, но так, чтобы цена была не честь и достоинство.

Его вынуждают оговорить меня: типа я им все время руководил. Чушь какая – я руковожу Атабаевым! Он же как ледокол: куда хочет и как хочет. Всегда! Но для предъявленной мне статьи 235 (ОПГ) важны, видимо, такие вот «показания»: что я всеми вокруг руководил, направлял и пр.

Когда вернусь домой, снимаю с окон все решетки, которые выполнены в «клеточку». Этот рисунок здесь везде – на окнах, на дверях, даже над головой верхняя шконка в клетку сварена. Окно – метр на 60 см, снаружи идет мелкая решетка-рабица, потом решка, потом стекло, потом – «телевизор» (решетка, которая размером больше окна и выступает на 50-60 сантиметров внутрь камеры). Ячейки очень частые – рука не проходит. Все это похоже на телевизор, конечно, но программа одна – небо в клеточку.

Боке согласен с моим мнением, хотя Турсунов его убеждает сделать так, как требуют следователи, что главное – выйти. Атабаев растерян немного, он не понимает, на чьей стороне Турсунов. Скорее всего, Атабаев выйдет на днях – ему и постараюсь передать этот дневник. Поэтому на всякий случай завершу эту часть.

Моя золотая, я понимаю, что тебе невыносимо тяжело, особенно когда становится понятно, что меня, скорее всего, хотят оставить здесь одного. Но ты знаешь, что я не смогу перечеркнуть всю свою жизнь даже ради свободы. Без чести и достоинства я не нужен себе – и не буду нужен тебе. Все проходит – и это пройдет. Мы с тобой обязательно встретимся. Всем, кто поддерживает, кто сочувствует, передай мою благодарность и привет. Я очень ценю их отношение и уверен – смогу лично их поблагодарить. Пока. До встречи.

*Актауский централ. Июль 2012*

---

Все права защищены ©. РЕСПУБЛИКА

[О проекте](#) [Контакты](#) [Реклама](#)